

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2020.10.31.030

Политические преступники и дезертиры: Проблемы экстрадиции в истории права

Миронов Анатолий Николаевич

Адвокат,
заведующий филиалом,
Филиал в г. Солнечногорске Московской коллегии адвокатов «Защита»,
141504, Российская Федерация, Солнечногорск, ул. Советская, 9-7;
e-mail: miran2021@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы экстрадиции политических преступников и дезертиров в XIX в., обусловленные рядом обстоятельств, в том числе отсутствием как доктринального, так и легального понятия политического преступления и, следовательно, политического преступника, наличием разных подходов государств к основаниям и условиям выдачи преступников вообще и указанных лиц в частности, конкуренцией с правом на убежище. Представлен краткий анализ как общего законодательства, затрагивающего вопросы действий закона в пространстве (территориального принципа, являющегося исходным положением при экстрадиции), например Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, так и специального, например Устава о паспортах и ссыльных, и др. В работе показано, что в теории международного и уголовного права XIX в. шел активный процесс осмысления как оснований и условий выдачи преступников вообще, так и политических преступников и дезертиров в частности; Россия заключила десятки соответствующих конвенций, договоров и трактатов. В целом можно сделать вывод: общая идея, являющаяся преобладающей в литературе и нашедшая отражение в межгосударственных соглашениях, заключалась в том, что политические преступники, в отличие от дезертиров, не подлежали экстрадиции, т.е. им предоставлялось право политического убежища. Если же политическое преступление (понятие которого так и не было выработано в теории и закреплено в законе) было отягощено преступлением общеуголовного характера, то в этом случае виновный выдавался запрашивающему государству.

Для цитирования в научных исследованиях

Миронов А.Н. Политические преступники и дезертиры: Проблемы экстрадиции в истории права // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 1А. С. 199-207. DOI: 10.34670/AR.2020.10.31.030

Ключевые слова

Экстрадиция (выдача преступника), принцип взаимности, политическое преступление, политический преступник, дезертир, действие закона в пространстве, территориальный принцип, политическое убежище, общее законодательство, специальные акты.

Введение

Проблема экстрадиции политических преступников осложнялась двумя основными обстоятельствами: во-первых, конкурирующими общепризнанными международными институтами, каковыми являются право убежища и выдача преступника; во-вторых, отсутствием как легального, так и общепризнанного доктринального понятия политического преступления, а следовательно, и политического преступника. Вероятно, сказывались и проблемные аспекты экстрадиции в целом: обязанность одного государства содействовать другому в обеспечении правопорядка на территории последнего не являлась абсолютной; преступление, выступающее основанием выдачи лица, должно признаваться достаточно важным («соответствовало труду и хлопотам, сопровождающим указанный процесс»); имели место спорные вопросы определения наказуемости деяния (следует исходить из признания его преступным в запрашивающем и запрашиваемом государствах или надо ориентироваться на цивилизованные государства) и т.д.

Основная часть

Кроме того, ряд российских ученых вообще не допускал экстрадицию политических преступников. Например, Г. Е. Колоколов писал: «Политические преступники ... ни в каком случае выдаче не подлежат» [*Колоколов, 1894-1895, с. 89*]. Однако при этом автор отмечал, что чрезвычайно спорным в теории уголовного права является вопрос об экстрадиции в ситуации, «когда преступление общее получило политическую окраску или преступление государственное осложнилось общим». Ссылаясь на заключение Института международного права (Оксфорд, 1880), Колоколов называет следующие положения, которые подлежат учету при решении вопроса о выдаче политического преступника:

«1) действия, заключающие в себе характеристические черты какого-либо общего преступления, не могут быть исключены из выдачи на том лишь основании, что виновники их преследовали те или другие цели;

2) если дело идет о деяниях, совершенных во время внутренней гражданской войны, то необходимо принимать в соображение, оправдываются ли такие деяния обычаями войны или нет;

3) выданные преступники должны быть судимы во всяком случае трибуналами обычными, но не экстренными, какими являются, напр., суды военные» [*Колоколов, 1894-1895, с. 90*].

Следует заметить, что Международный тюремный конгресс 1890 г. (С.-Петербург) выработал два универсальных положения об экстрадиции, при этом не конкретизируя основания и условия выдачи:

1) необходимы общие правила выдачи преступников, однако допустимы отдельные изъятия из них с учетом интересов соответствующего государства;

2) межгосударственные договоры должны содержать закрытый перечень преступлений, по которым виновный не подлежит экстрадиции [*Мушников, 1890*].

Некоторые западные криминалисты также отрицали всякую возможность выдачи политических преступников. Например, Роберт фон Моль (1799, Штутгарт – 1875, Берлин) исходил из того, что для выдающего государства практически невозможно дать правильную оценку содеянного, поскольку оно имеет «местный характер», выступает продуктом экономического и социального бытия запрашивающего государства, во многом зависит от

отношений верховной власти с народом. Иоанн Каспар Блюнчли (Цюрих, 1808 – Карлсруэ, 1881) допускает возможность выдачи политического преступника только в том случае, если государства, заинтересованные в экстрадиции, имеют практически одинаковые юридические учреждения, в частности систему уголовной юстиции, более того – совпадающие уголовно-правовые понятия [*Вербловский, 1868*].

В теории права XIX в., причем не только российской, но и западноевропейской, разброс мнений по сущности и характеристике политического преступления был достаточно велик. Одни ученые (например, Моль) употребляли термин «политическое преступление» как общеизвестный, понятие которого сознается всеми, в связи с чем отсутствует необходимость в выработке соответствующей дефиниции; другие [например, Карл Людвиг фон Бар (Ганновер, 1836 – Фолкстон, 1913)] характеризуют его как такое наказуемое деяние, которое свидетельствует о намерении преобразовать государство и государственные учреждения противоправным способом.

Надо заметить, что на способ совершения рассматриваемого преступления обращают внимание многие криминалисты. Г. Л. Вербловский подчеркивает, что этот признак, включаемый в определение политического преступления, должен признаваться существенным. «Если для достижения политической цели были нарушены важные права личные физического лица или права имущественные лица вообще, как физического и юридического, то здесь является совокупность преступлений, из которых одно, как преступление общего характера, непременно требует выдачи преступника» [*Вербловский, 1868*]. Свое высказывание автор иллюстрирует примером с арестом в Египте Сюрратта – одного из соучастников убийства Линкольна. «В трактатах о взаимной выдаче преступников должно быть общепризнано, что убийство есть преступление, недостойное подпасть под право убежища. Очевидно, что Джон Бут и его сообщники, убивая Линкольна, имели только политическую цель; было ли самое преступление преступлением политическим и может ли оно быть постановлено в границы международного покровительства? ... Политическое убийство столь же достойно повешения, как и всякое другое убийство» [Голос. 1866. № 332].

В литературе встречаются и иные определения политического преступления. Например, как деяния, которое представляет собой оборону, пресекающую формальные законные границы, против действий государственной власти, формально незаконных и противоречащих основным началам правды и справедливости; как деяния, которое посягает на верховную власть, учреждения и целостность государства, и др. Оценивая эти и другие дефиниции политического преступления, Г. Л. Вербловский замечает: «Но где ... та грань, которая отделяла бы их от государственных преступлений вообще, которыми также посягается на права верховной власти, государства и его учреждений, как, напр., подделка монет и кредитных бумаг, похищение и растрата доходов и имущества казны, неправосудие, взяточничество и пр.?» [*Вербловский, 1868*].

Некоторые авторы указанное отличие видят в корыстных мотивах, присущих государственным преступникам вообще (в широком смысле), которые не могут быть у преступника, совершающего политическое преступление (в узком, собственном смысле). Последнее обусловлено не корыстными или иными личными побуждениями, а потребностью человеческой природы к свободе, которая при известных условиях достигает чудовищных размеров и превращается в произвол. Отвечая на эти доводы, Г. Л. Вербловский пишет: «Но подобное разграничение, кроме своей неопределенности, неполно и может себе встретить в действительности много исключений и противоречий» [*Вербловский, 1868*].

Не менее пестрая картина сложилась в литературе и относительно экстрадиции дезертиров. Если отвлечься от нюансов, то можно выделить две основные позиции, расположившиеся на диаметрально противоположных точках континуума. Одни ученые исходят из положения о том, что военная повинность является общественной обязанностью, которая автоматически прекращается, как только дезертир покинул территорию своего государства. Другие акцентируют внимание на двух моментах: во-первых, чрезмерной жестокости наказания за указанное деяние; во-вторых, экстрадиция дезертиров может «парализовать» принцип невыдачи политических преступников (государство, распространив воинскую повинность на лиц независимо от их возраста и сословия, может потребовать выдачи их как дезертиров).

Сторонники возможности экстрадиции дезертиров также не отличаются единодушием. В этом смысле показательно мнение Бара. Всех дезертиров он делит на две группы, включив в первую лиц, уклонившихся от воинской повинности, во вторую – беглых солдат.

В отношении первых его позиция также вариативна. В целом он против выдачи указанных лиц запрашивающему государству исходя из чрезмерной тяжести воинской повинности и наличия непропорционально строгих наказаний за ее нарушение. Но в то же время автор допускает возможность экстрадиции указанных лиц на основе взаимности в целях защиты собственных интересов.

Применительно ко второй группе Бар исходит из абсолютного правила: самовольное оставление военной службы должно быть наказуемо у всех цивилизованных народов. Поэтому дезертир должен выдаваться запрашивающему государству. Однако из этого общего положения он делает исключение. По его мнению, отказ в экстрадиции может быть обусловлен тем, что обязанности солдат явно выходят за границы разумного и допустимого исходя из «юридического убеждения»; поступление на военную службу явилось результатом незаконных или безнравственных примененных к лицу мер и др. Г. Л. Вербловский, оценивая имеющиеся точки зрения, пишет: «...выдача должна последовать только за преступления, признаваемые таковыми во *всех* цивилизованных государствах, ... выдача есть не что иное, как известная форма наказания... мы должны согласиться с мнением ... отрицающим всякую выдачу дезертиров. Конечно, путем трактатов она может иметь место, но тогда по крайней мере государства взаимно должны обеспечить права выдаваемых лиц...» [*Бернер, 1805*].

К общим требованиям, относящимся к выдаче независимо от характера совершенного преступления, практически все авторы относят:

1) экстрадированный может быть наказан только за то преступление, в связи с которым он был выдан запрашивающему государству, независимо от того, виновен ли он в совершении других преступлений;

2) при конкуренции интересов, т.е. в ситуации, когда виновный подлежит наказанию в запрашиваемом государстве или уже находится «под судом», то он не может подлежать экстрадиции; из этого правила может быть сделано исключение только в том случае, если в запрашивающем государстве лицо виновно в совершении более тяжкого преступления, чем в государстве выдачи;

3) причастность к инкриминируемому деянию выдаваемого лица должно быть установлена в том числе и надлежащими органами государства, с территории которого оно экстрадируется (в этом случае должны быть соблюдены те же принципы, что и в отношении иностранного подданного, предаваемого суду);

4) выдача производится после предварительных дипломатических сношений и при участии высших органов власти государств;

5) сама выдача производится на границе с сопредельным государством либо экстрадируемый доставляется на борт судна, принадлежащего запрашивающему государству;

6) если экстрадиция предполагает транзит через территорию третьей страны, то запрашивается согласие последней;

7) государство, выдавая преступника, вместе с ним передает все вещественные доказательства по делу, а также документы, имевшиеся у экстрадируемого;

8) все расходы по экстрадиции возлагаются на запрашивающее государство как на заинтересованную сторону.

Экстрадиции в России регулировалась как общим, так и специальным законодательством. Например, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1866 г.), наряду с положениями о действии закона по кругу лиц, содержит правило, согласно которому «иностранцы, в России жительствующие или временно в оной пребывающие, подлежат действию законов о наказаниях уголовных и исправительных на том же основании, как и подданные Российские, если о каком-либо из сего изъятии не сделано особенного постановления в договоре с тою иностранною державой, у коей они находятся в подданстве» (ст. 170).

В соответствии со ст. 173 Уложения о наказаниях «российские подданные, находящиеся вне пределов государства и там или прежде отбытия за границу учинившие преступление против прав державной власти своего отечества или целости, безопасности или благосостояния России, или же в нарушение прав одного или нескольких из соотечественников своих, подлежат действию постановлений ... Уложения, и по выдаче или возвращении в Россию, на основании приговора, предписанным порядком над ними произнесенного, подвергаются наказаниям, сими постановлениями положенным». Статья 174 Уложения регламентирует действие уголовного закона в случаях, когда «...Российский подданный, учинивший в каком-либо иностранном государстве преступление против Верховной власти того государства, или же против прав одного или нескольких из подданных оного или другой иностранной державы, будет тамошним правительством препровожден в Россию, или же по добровольном возвращении его в отечество, на него поступят жалобы или обвинения, то и он подлежит суду на основании постановлений сего Уложения. Только в случае, когда бы по законам того края, где им учинено преступление, он долженствовал подвергнуться наказанию менее против определяемого в сем Уложении строгому, наказание его по соразмерности с тем смягчается».

Приведенные статьи Уложения интересны в первую очередь тем, что они по-разному определяют круг наказуемых деяний, совершенных за пределами страны, в зависимости от их направленности. Бóльшее их количество относится к посягательствам против интересов России, поскольку говорится о «...преступлениях, учиненных против прав державной власти или целости, безопасности ли благосостояния» (т.е. государственные преступления в широком смысле) и «нарушении прав одного или нескольких из соотечественников» (т.е. преступления общего характера). Относительно посягательств, не затрагивающих интересы России, закон очерчивает меньший круг деяний, признавая таковыми только преступления против Верховной власти зарубежного государства (т.е. собственно политические преступления) и ее граждан (т.е. преступления общего характера).

Правила наказуемости деяний политических преступников в случае совершения преступления против иностранного государства, «с которым на основании трактатов или обнародованных о том узаконений, постановлена надлежащая в сем отношении обоюдная взаимность...» (ст. 260 Уложения о наказаниях), в целом отвечают законодательному опыту

западноевропейских стран и теоретическим воззрениям российских криминалистов.

По законодательному регулированию собственно экстрадиции политических преступников и дезертиров все страны XIX в. можно условно разделить на три группы:

1) Англия и Североамериканские Соединенные Штаты. Законодательство этих стран закрепляет безусловное право убежища, причем его предоставление является обязанностью государства. Выдача преступников является скорее исключением, чем общим правилом (однако при этом не исключается экстрадиция своего подданного), осуществляется по заключенным двусторонним трактатам (договорам) [Законодательная летопись, 1866];

2) Франция, Бельгия, Швейцария и др. В этих странах не существует безусловного права на убежище. Въезд в страну и пребывание в ней регламентируются специальными законами исходя из политических интересов государства. Выдача предусмотрена не за политические преступления, а только за преступления общего характера. Причем экстрадиция, как правило, обусловлена как принципом взаимности, но может осуществляться и без учета этого обстоятельства. Выдача дезертиров регламентируется специальными циркулярами. Экстрадиция собственных подданных не допускается [Вербловский, 1868];

3) Австрия, Пруссия, Швеция, Норвегия и др. Эти государства, с одной стороны, не признают обязанности предоставлять иностранцам право убежища, допускают въезд в страну и пребывание в ней только тех, кто имеет право на это (однако и этим лицам может быть отказано в нахождении в стране). С другой стороны, они выдают преступников не только за преступления общего характера, но и за политические преступления. Своих граждан данные государства не выдают.

По многим критериям Россию можно включить в третью группу с одной оговоркой: государство строго придерживается принципа взаимности, исходя из этого выдает как преступников, так и дезертиров только на основании межгосударственных договоров. Более того, в соответствии с примечаниями к ст. 170, 172 и 175 Уложения о наказаниях она отступает от принципа территориальности действия закона в пространстве в пользу экстрадиции виновного. В первую очередь это распространялось на китайцев, совершивших преступление на территории России.

В рассматриваемый период Российское правительство заключило ряд договоров (трактатов) с иностранными государствами о взаимной выдаче преступников. Многие их положения были интегрированы в Устав о паспортах и ссыльных [Бернер, 1805], гл. 4 которого так и называлась – «О взаимной выдаче и дезертиров и беглецов на основании договоров, заключенных с иностранными державами» [Свод законов Российской империи, 1857]. Отделение 1 посвящено экстрадиционным взаимоотношениям с Австрией. Например, в ст. 665 Устава говорится: «Если ... дезертир найдет способ войти тайным образом в Российские владения, или обмануть определенных для присмотра за тем Российских чиновников, переменою ли платья, или предъявлением ложных паспортов, и потом даже поселится где-либо в России: то онный должен быть возвращен и выдан, как скоро будет узнан или потребован от кого-либо из командующих Австрийскими войсками». Исключение делалось только в отношении тех дезертиров из австрийской армии, кто родился в России (ст. 666 Устава).

Экстрадиция дезертиров осуществлялась и в том случае, если они, находясь на территории России, совершили какое-либо преступление. Австрийские власти обязывались наказать виновного в соответствии с действующими в государстве законами, а копию приговора направить в судебное учреждение по месту совершения преступления.

Отделения 2, 3, 4 и 5 Устава содержат положения договоров о выдаче, заключенных Россией

соответственно с Португалией, Швецией, Бельгией и Грецией. В приложениях к Уставу конкретизируется ряд обстоятельств, которые могут возникнуть при решении вопроса об экстрадиции дезертира.

В XIX в. Россия заключила ряд договоров о выдаче преступников, которые не были имплементированы в Устав о паспортах и ссыльных: 20 мая 1844 г с Пруссией (повторно заключен 27 июля 1857 г.); октября 1866 г. с Данией и др. Особый интерес представляет Манифест о взаимной выдаче государственных преступников, заключенный 6 февраля 1834 г. Россией с Австрией и Пруссией, в котором говорится: «приемля сверх того в уважение, что все три ... державы в равной степени должны пещись о сохранении тишины и законного порядка в польских областях, каждому из них подвластных, Мы ... утвердили: Никто из оказавшихся в областях одной из трех держав ... виновным в государственной измене, оскорблении Величества, вооруженном бунте или же злоумышлявших против престола и правительства не будет иметь защиты, ни убежища в областях двух других держав. Все три державы, напротив того, обязуются выдавать немедленно всякого, изобличенного в вышеозначенных преступлениях, коль скоро потребован будет правительством, которому он принадлежит» [ПСЗ. 1834. № 6780].

7 апреля 1868 г. заключена Конвенция между Россией и Нидерландами [Судебный вестник. 1868. № 200], получившая высокую оценку в литературе. Она имеет много общего с аналогичной конвенцией России с Данией 1866 г. Во-первых, в ней нашли отражение соответствующие положениями международного права в области экстрадиции, в том числе о невыдаче политических преступников; во-вторых, ограничение выдачи только теми преступлениями, которые прямо указаны в договоре; в-третьих, обозначены условия, обеспечивающие личную свободу экстрадируемого, и др. В то же время они имеют и существенные различия. Их можно свести к следующим обстоятельствам:

1) по русско-датской конвенции допускается выдача только тех лиц, которые уже были осуждены, заключены под арест или преданы суду; по русско-нидерландскому трактату круг лиц, подлежащих выдаче, представлен более широко: допускается экстрадиция в том числе и лиц, которые еще не были преданы суду или арестованы;

2) если в первой конвенции говорится о подданном, то во второй – о природных жителях. По мнению Д. П. Никольского, в русско-нидерландском трактате круг лиц поименован точнее и полнее [Никольский, 1882]. «В наименование природных жителей, относительно применения ... конвенции включаются те иностранцы, которые по законам той страны, от которой требуется выдача, уравниены с природными жителями, а также иностранцы, водворившиеся в стране и состоящие или состоявшие в браке с туземною женщиною, имеющие от нея дитя или несколько детей, родившихся в стране» (ст. 1 Конвенции).

В русско-нидерландской конвенции закреплён принцип невыдачи политических преступников. В ст. 6 прямо говорится: «...преступления и проступки политические исключаются из настоящей конвенции». Однако из этого правила сделано исключение, которое гласит: «...в отношении применения настоящей статьи (ст. 6. - *Авт.*) само собою разумеется, что не будет признаваемо за политический проступок или за действия, состоящие в связи с таковым проступком, покушение против особы иностранного государя или против особы кого-либо из членов его дома, если это покушение составляет убийство, отравление или умерщвление».

Заключение

В теории международного и уголовного права XIX в. шел активный процесс осмысления как оснований и условий выдачи преступников вообще, так и политических преступников и дезертиров в частности; Россия заключила десятки соответствующих конвенций, договоров и трактатов. В целом можно сделать вывод: общая идея, являющаяся преобладающей в литературе и нашедшая отражение в межгосударственных соглашениях, заключалась в том, что политические преступники, в отличие от дезертиров, не подлежали экстрадиции, т.е. им предоставлялось право политического убежища. Если же политическое преступление (понятие которого так и не было выработано в теории и закреплено в законе) было отягощено преступлением общеуголовного характера, то в этом случае виновный выдавался запрашивающему государству.

Библиография

1. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права (с примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова). СПб., 1805.
2. Вербловский Г.Л. О взаимной выдаче преступников и дезертиров // Юридический вестник. 1868. № 7.
3. Голос. 1866. № 332.
4. Законодательная летопись // Журнал Министерства юстиции. 1866. Окт.
5. Колоколов Г. Е. Уголовное право: курс лекций. М., 1894–1895.
6. Мушников А. А. Петербургский международный тюремный конгресс. СПб., 1890.
7. Никольский Д. П. О выдаче преступников по началам международного права. СПб., 1882.
8. ПСЗ. 1834. № 6780.
9. Свод законов Российской империи. 1857. Т. XIV. Кн. 1.
10. Судебный вестник. 1868. № 200.

Political criminals and deserters: Problems of extradition in the history of law

Anatolii N. Mironov

Advocate

Head of the branch

Solnechnogorsk Branch of the Moscow Bar Association "Zashchita",
141504, 9-7, Sovetskaya str., Solnechnogorsk, Russia
e-mail: miran2021@yandex.ru

Abstract

The article deals with the controversial issues of the extradition of political criminals and deserters in the XIX century, due to a number of circumstances, including the absence of both a doctrinal and legal concept of a political crime and, consequently, a political criminal, the presence of different approaches of states to the grounds and conditions for the extradition of criminals in general and these persons in particular, the situation with the right to asylum. A brief analysis is presented of both general legislation affecting the operation of the law in space (the territorial principle, which is the starting point for extradition), for example, the Code on Criminal and Administrative Penalties, and special legislation, for example, the Statute on Passports and Exiles,

Anatolii N. Mironov

etc. The paper shows that in the theory of international and criminal law of the XIX century, there was an active process of understanding both the grounds and conditions for the extradition of criminals in general, and political criminals and deserters in particular; Russia has concluded dozens of relevant conventions, treaties and treatises. In general, it can be concluded that the general idea that prevails in the literature and is reflected in international agreements was that political criminals, unlike deserters, were not subject to extradition, i.e. they were granted the right of political asylum. If, on the other hand, a political crime (the concept of which was never developed in theory and was enshrined in the law) was burdened with a crime of a common criminal nature, then the perpetrator was handed over to the requesting State.

For citation

Mironov A.N. (2021) Politicheskie prestupniki i dezertiry: Problemy ekstraditsii v istorii prava [Political criminals and deserters: Problems of extradition in the history of law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (1A), pp. 199-207. DOI: 10.34670/AR.2020.10.31.030

Keywords

Extradition (extradition of a criminal), principle of reciprocity, political crime, political criminal, deserter, operation of the law in space, territorial principle, political asylum, general legislation, special acts.

References

1. Berner A. F. Textbook of criminal law (with notes, appendices and additions on the history of Russian law and the positive legislation of N. Neklyudov). St. Petersburg, 1805.
2. Verblovsky G. L. On mutual extradition of criminals and deserters // *Yuridicheskiy vestnik*. 1868. No. 7.
3. *Golos*. 1866. No. 332.
4. *Zakonodatel'naya letopis* // *Journal of the Ministry of Justice*. 1866. Oct.
5. Kolokolov G. E. Criminal law: a course of lectures. M., 1894-1895.
6. Mushnikov A. A. St. Petersburg International Prison Congress. St. Petersburg, 1890.
7. Nikolsky D. P. On the extradition of criminals according to the principles of international law. St. Petersburg, 1882.
8. *PSZ*. 1834. No. 6780.
9. Code of Laws of the Russian Empire. 1857. Vol. XIV. Book 1.
10. *Judicial Bulletin*. 1868. No. 200.